

Игорь Шестков "Чингачгук"

Всю ночь перед свадьбой Олег нервничал. Ворочался, боролся с простынями и назойливыми мыслями. Свадьба представлялась ему в виде бесконечного, падающего откуда-то сверху, белого полотенца, которое приходилось складывать в штабеля.

Он складывал, складывал...

Штабеля беззвучно и медленно валялись. Олег поднимал, поднимал их, задыхаясь от запаха крахмала, методично выравнивал края...

Под утро проклятое полотенце превратилось в огромный белый ковер. Снилось Олегу, что лежит он на нем, голый и счастливый, а рядом с ним растянулась его невеста – самочка-косуля. И он любезничает и балуется с ней на ковре. Держит ее за изящные копытца, целует в породистую мордочку. Вдруг в комнату вбегают страшный косматый старик. Он рычит и дико поводит вылупленными глазами. Замахивается огромным топором. Олег заслоняет невесту своим телом.

Принимает удар на себя. Топор рассекает широким закругленным лезвием кожу и лобную кость, входит в мозг. Олег слышит собственный курлыкающий предсмертный крик.

Гадкий мальчишка кинул камень в птичью стаю.

Живые страницы его жизни разлетаются как воробьи.

Чирикать, чирикать! Обиженно.

Старик не выносит птиц. Он хватает их на лету и тащит корявой лапицей в пасть. Там горит огонь. На огне – котел с кипящей кровью.

Чирикать! Чирикать! Авось пронесет.

Олег проснулся, поискал глазами на противоположной стене прищипленную к обоям репродукцию Ангела с золотыми волосами, нашел, умилился, и только после этого встал. Засунул простыню, одеяло и подушку в остро пахнущее клеем фанерное брюхо двуспальной кровати. Зашел в туалет. Поразился какому-то особенному, ромашковому цвету своей мочи.

Ромашка. Пряная мать матрикария.

Что ты так разнервничался? Пульс сто. Того и гляди горячим керосином

мочиться начнешь!

Старик, тебе не в загс, а в поликлинику надо.

Лег в ванную. Рассматривал там свои сморщенные мужские достоинства, которые его невеста еще и не видела. Гадал, понравится ли он Юле голый.

Мечтал.

Вот они усталые, но счастливые, приезжают наконец в их новую квартиру. Он ложится на кровать, а она, ласковая, возбужденная раздевается перед ним, медленно и сладострастно. Садится на кровать, раздвигает бедра и кладет одну его руку на свою трепещущую грудь, другую – на выбритый лобок...

Какую-какую? Опять птичья метафора?

Воробьиные у тебя мозги.

Как это все пошло! Свадьба, платье, невеста, жених. Курицы, петушки. Зачем тебе эта жеманная косуля? Тебе бы в жены – жирную свинью. Обнимать ее, нюхать у нее под хвостом, сосать молоко из ее розовых сосков и хрюкать.

Все просто, как в бане. Ты боишься того, чего алчешь и хватаешься в панике за нечто противоположное. Слабенькое, хрупкое.

Как ножка у вареного воробышка.

Боишься самого себя, хрящегрыз, свиноёб!

Хочешь спрятаться в бульоне?

Олег тщательно вымылся, особенно долго тер промежность и шею. Побрился. Подстриг ногти и заусенцы на ногах и руках. Вырвал пинцетом несколько волосков в носу и на ушах. Обрызгался дезодорантом так обильно, что кожу обжог. Надел хрустящую белую рубашку, новый, коричнево-серый костюм, повязал зеленоватый с блестками галстук, посмотрел на себя в зеркало. Увидел фатоватого парня двадцати двух лет, смущенного жениха, дубину стоеросовую, как называла его бабушка, когда он приносил из школы двойки по физкультуре или труду. Не удержался и немного почирикал.

Юлька-то наверно девственница.

Обещалась девичество свое хранить в целости до живота своего...

Приснодева-косуля.

Говорят, косулье мясо надо три дня в уксусе вымачивать.

А награда – полгода потной возни, прежде чем удовольствие получишь.

Девственница-лиственница.

Чиркнуть там разочек топором – и нет проблем.

От этой мысли Олегу стало дурно. Он приблизил лицо к зеркалу, посмотрел на свой угреватый нос, и попросил себя – заткнись, пожалуйста, заткнись!

Пошел в кухню.

Отломил кусок черного хлеба и долго его жевал, запивая розовой водой из большой стеклянной банки, в которой плавал лохматый гриб Солярис.

Посмотрел на часы и зажмурился в отчаянии от неотвратимости свадьбы.

Ты юлькин муж?

Недотепа, мечтающий о жирной свиноматке – муж солнечной Юлечки?

Посмотри на свои ногти на ногах!

Неровные, гадкие, грязные в углах, сколько их не мой, врезавшиеся в мясо.

Разве можно любить человека с такими ногтями? Иди в свинарник!

Муж.

Это слово отдавалось в его голове как удар тупым концом топора в лоб.

Из буквы «м» выползли ноги и голова, голова обросла бородой, вертлявый «уж» превратился в топор и Олег узнал в этом слове косматого старика. Попытался загнать его обратно в слово. Не вышло.

Ловец. Поймал меня. Верхом на свинье.

Олег замычал как бык, которого на бойню гонят.

Зажужжал как шмель.

Зачирикал.

Свадьба. Свадьба. Свадьба.

Две нагие фигурки плещутся в тазу с вишневым вареньем. Раньше киношники для имитации крови использовали.

Сладкая кровь.

Свадьба.

Сводятся-свадятся-свариваются.

Нежная юлина грудь. Вишенки-сосочки.

Собрал Бог пальцами кожу и проткнул дырочку. Палочкой для ковыряния зубов.

Один раз только поцеловал. Застыдилась. Запахнулась судорожно.

Потом! После!

Когда потом? После чего?

После смерти охотник на флейте играть будет. Или сделает фанфару из ружья. Понравлюсь я ей? Нормальные люди это до свадьбы выясняют. А не в тазу с вареньем.

Только идиоты устраивают свадьбу. Опять ты не настоял на своем.

У трусишки что в трусишках? Побоялся. А чего?

А того, что тебе откажут. Испугался Юлечку потерять, прекрасную газель.

А теперь – свадьба-бойня.

Там поросят током бьют. Мясники-мордovorоты. Хрюкнет поросеночек, дернется и все. Закончилось земное бытие. Отлетит душа в сторону небесного свинарника. Встретит ее огромный хряк-вседержитель. Вздохнет.

Пора было к родителям ехать. Олег решил такси не брать, пожалел деньги. В автобусе пришлось терпеть многозначительные взгляды пассажиров. Какой-то мрачный тип оглядел его, усмехнулся презрительно, и сказал: «Пижон! К станку бы тебя! На трубогиб. В ночную смену. Белорубашечники...»

Олег еле слышно прошептал: «У меня сегодня свадьба...»

Тип неожиданно помягчел: «Извини, браток, не разобрал. Сам вот который год маюсь. Как я в Наре телку свааатал. Отказала – долго плааакал...»

Откуда это в нас? Непременно оскорбить ближнего. Подставить ножку.

Чтобы в грязь упал.

Чтобы сидел как все в дерьме. В пятом, советском, океане дерьма.

Вот и стали мы все нырять. Акваалангисты в канализации.

Побрей матушке России ноги, подполковник!

Не захлебнись в Сандунах!

Родители предложили позавтракать. Олег отказался почти грубо. Мать все поняла, но сына не пощадила.

– Ишь, какие мы нервные. Слова не скажи. Как ёжик. Слышь, отец, мы тоже такие были?

– Я из туалета не вылезал. За что боролся. Окольцевала, змеюга. И намордник

надела. Белого света не вижу. Так и знай, сын, всю жизнь твой папа на коротком поводке. Служит Полкан. Где мячик? Апорт! Ах, не слушай ты нас, старых крокодилов, радуйся, твой день сегодня. Твой и Юлечкин! Мать, как ты думаешь, мой оранжевый галстук к маренговому костюму подойдет? Чай не похороны!

– Ах, Владик, надевай что хочешь. На поводке он, видите ли. Разоделся. Перед молодухами щеголять. Все равно выглядишь как старый попугай. В театр ходил в зеленом свитере!

– Как Ив Монтан!

Выехали в одиннадцать на трех машинах. Полдвенадцатого подъехали к загсу. Кортёж невесты прибыл, как и полагается, с опозданием. Фата никак не хотела закрепляться на пышных юлечкиных локонах. Молния порвалась на новых сапогах тещи. У тестя обострились боли в пояснице. А девяностолетняя бабушка невесты заявила, что никуда не поедет, потому что воры утащат ее гжель.

Оставить ее одну нельзя. Уговорили соседку до вечера посидеть. Та разохалась.

– Юлечка замуж выходит! Малиночка наша! Да за кого? За этого, длинного, что ее полгода на улице пас? Видали! Неужели кого посолиднее найти не могла?

В загсе Олег вел себя как зомби – вставал, куда указывали, говорил, что велели, слушал тетку с широкой атласной лентой через плечо, по комплекции и выражению лица похожую на участницу американской борьбы в рестлинг. Слушал и не понимал, что она говорит. Послушно подписал какую-то бумагу с вензелями и звездами. Терял галстук. Хотел одного – чтобы все поскорее кончилось. Чтобы можно было уйти от людей. Приехать домой. Скинуть дурацкий костюм, галстук, содрать с себя кусачую рубашку, открыть форточку, впустить в комнату холодный воздух мартовской Москвы, принять две таблетки цитромона, почирикать и заснуть.

Заснуть?

А как же «то»?

Зачем тогда свадьба, вишневое варенье, локоны?

После оформления брака поехали на Ленинские горы, смотреть на Москву. Над городом висела морозная дымка. Метромост, казалось, обрывался в воздухе и не переносил храпящих металлических бегунов с Ленинских гор туда, вниз, в прогорклое московское брюхо, а выбрасывал их в туманное небытие, из которого вырывался поток ревущих, воплотившихся в волги и лады демонов. Выпили водки и советского шампанского. Сфотографировались. Прокричали «горько».

Олег считал зачем-то снежинки, падающие ему на лоб.

Ну что, это все?

Десять.

Теперь я муж? А Юля жена?

Одиннадцать.

Почему ничего не произошло? Природа не заметила. Ха-ха!

Двенадцать.

Ни Бог, ни черт никак не отреагировали. Всем до фени.

Тринадцать.

Бог – квадратный корень из минус единицы.

Четырнадцать.

А как же птицы летают? Они конформных отображений не проходили.

Пятнадцать.

Вся жизнь – пустоты и мнимости.

Шестнадцать.

Прилетела комета, шмякнулась, вывалилась из нее клеточка. Одна. Может, слетела с ногтя какого-нибудь космического уroda.

Семнадцать.

Упала в теплую воду и стало ей там хорошо. Пожрала чего-то и разделилась.

Восемнадцать.

И пошло. Встали с четверенек. Уши, глаза, руки, задница.

Девятнадцать.

А в голове – все еще тот, исконный вопрос, с которого все началось.

Двадцать.

Где тот самый ноготь, с которого мы сорвались?

Москва сорвалась с Ленинских гор.

Двадцать один.

Друзья заглядывали Олегу в лицо, пожимали руки, похлопывали по плечу, спрашивали: «Ну что, старик, ты доволен? Готовишься к ночке? Не горюй, не боги горшки обжигают!»

Олег ничего не отвечал. Все думал, думал.

Смотрел иногда в глаза Юлечке, искал поддержки. Но Юлечку не тревожили метафизические проблемы, она думала о платье, о прическе, о новых белых туфельках. Воображение прекрасной газели не бежало как та телега, впереди лошади, а еле поспевало за ней. Ее занимала пузатая лакированная тыква с подарками и сюрпризами – церемониальная свадьба в ресторане. Возлияние медовухи на алтарь домашних богов. Пожирание соленых и перченых внутренностей жертвенных животных.

Юлечка с наслаждением гладила толстенькое золотое кольцо, плотно обнимающее ее изящный безымянный палец с белорозовым ногтем и представляла себе радужные картинки.

Вот хорошо тренированные супруги-теннисисты на белом пароходе у Ласточкиного Гнезда. Морской ветер играет ее золотыми локонами.

Счастливый отец везет на санках двоих веселых бутузов.

Белобородый, неловкий в своем красном кафтане, Дед мороз, вручает детям подарки рядом с горящей разноцветными огнями елкой. На вершине елки – сыплющая алмазные брызги звезда. Горные лыжи в Терсколле.

Журнал Вопросы литературы.

Конгресс в Бостоне.

Подруги поддерживали Юлю, помогали не запачкать платье, целовали ей щеки, поправляли фату. Курносая Толстикова шептала ей в ухо.

– Ты, девушка, не дури. Я знаешь как тряслась! Ничего, пережила. И даже развелась уже. Но ты не разводишься. Олег парень видный. Талант. Только одервеневший какой-то. Ну, ты его ночью растормошишь. Главное не давай ему пить, а то ни на что способен не будет. Мой Пашка как напьется – орет, не могу,

а это самое у него с мизинчик.

Маленькая черноглазая Дивнева лепетала.

– Милая Юлечка, раскрасавица, как тебе белое платье идет – как яблоневый цвет на рассвете. Как Олежка тебе рад будет! Я так за вас переживаю. Оба такие хорошенькие и умненькие. Щечки у тебя персички, ягодки. Милочка, Юлечка, ты сегодня ночью Олежку счастливым сделаешь. А то он печальный такой мальчик.

Опьяневшие друзья вздумали поставить жениха и невесту на скользкий мраморный парапет.

Олег отказался наотрез и даже несколько раз ударил кого-то по рукам. А Юлечку не без труда взромоздили. Встав на парапете во весь рост, Юля вдруг по-новому увидела главное здание МГУ. Оно представилось ей такой же как она, только каменной, душой-невестой, давным давно водруженной кем-то на гигантский парапет амфитеатра Москвы-реки и ждущей застрявшего где-то в центре Москвы жениха. Юля пожалела университет. И тут же потеряла равновесие, оступилась и начала падать. Ее поймали и осторожно поставили на землю. Заставили выпить бокал шампанского.

Олег невесту не ловил. Он смотрел в другую сторону, на Москву. Туман рассеялся.

Не дали, а зияния.

Золотистая конструкция на президиуме академии сидит как дурацкий колпак, метромост – бетонный урод, высотки стоят как памятники на погосте.

Стадион Лужники круглится как огромная раздавленная мечеть, а четыре уродливые мачты для прожекторов торчат как минареты.

Не архитектура, а стоматология.

Не дома, а имплантаты, зубы коммунистического дракона, не улицы, а чешуйчатые хребты подземных змеев.

Когда-нибудь прилетит сюда космический старик в белой ночной рубашке и ударит прямо в Кремль своим галактическим топором.

Будет тут огромный кратер.

Приехали в ресторан. В уютном отдельном зале все было готово для гостей. На столе искрились хрустальные бокалы, тяжело горбились розовые салфетки, закуски источали сомнительные майонезно-уксусные ароматы. По стеклу водочных бутылок стекали капельки росы.

Первый тост провозгласил отец жениха. Пожелав здоровья и счастья невесте, он по привычке перешел на поучения и советы. Говорил, говорил...

Его речь то и дело прерывала плачущая мать Олега.

– Так, так, Владик, скажи, чтобы в доме был муж главой семьи. Напомни про диссертацию. Упомяни про то, что мы внесли первый взнос за кооператив. И лыжи тоже мы купили.

Потом выступил отец невесты, отставник-полковник. Он держался за спину, кряхтел. Пожелал жениху силы, мужества, здоровья и материального благополучия. Опрокинул в рот рюмочку водки и крякнул. Подмигнул новобрачным. Мать невесты мужа во время выступления не прерывала.

Прошептала дочери: «Будь счастливее меня в браке, родная».

А зятю сказала: «Упаси Бог тебя от водки и армии! Посмотри на моего голубя, а ведь когда-то был на молодого Жарова похож. На трубе дудел...»

Оба выступления закончились громогласным «горько» гостей. Молодые встали и чмокнулись. У Олега уже болела голова, а Юлечка боялась уронить фату и влезть складками платья в салат с печенью трески.

Слово взял друг детства Рудик Цванг. Рудик был пьян и воодушевлен, к выступлению не готовился, надеясь на полноту чувств. Позже Рудик утверждал, что черная меланхолия победила в нем во время провозглашения тоста неразделенную любовь к человечеству, а виноват в этом был не он, а упомянутый не к месту изобретатель опричнины.

– Ребята... Ребята, я всех вас люблю. Я люблю Москву, люблю весь земной шар. Всех двуногих и... трехногих... Я простой учитель Цванг. Не слышали о таком? А я был и есть. Математику преподаю школьникам в Нагатине. Где затон.

Коломенское там. Да-с. И церковь шатровая. Ее, между прочим, папаша Ивана Грозного выстроил. В честь сыночка своего... Людоеда... Итальянский архитектор возвел. Во, страна, сами ничего делать не умеем. Там школа

недалеко. Для советской молодежи. Такие скоты... Но, ррребята, остаавим, молодежь в покое. Главное, непонятно, что они еще выкинут. Все уже было. Из окна выбрасывались и отверткой в ребра пыряли. О чем это я? Что, свадьба, да... Какая свадьба? Ах, да... Так вот, коллеги... Кто-нибудь из вас помнит, чему равняется синус трех икс? Забыли? Или никогда и не знали? Напомнить? А квадратный трехчлен вам в задницу не всунуть? Устроили тут судилище... На вашем засраном педсовете. Вы, жадною толпой стоящие у трона, свободы, гения и славы палачи! Кто из вас квашеную капусту ел, наперсники разврата! Чесночищем разит!

Рудика отвели в туалет, дали поблевать, помогли ему раздеться до пояса. Рудик неохотно облился холодной водой, голову подставил под струю. Освежившись, вернулся в зал, извинился перед родителями невесты, съел две котлеты по-киевски, выпил чашечку кофе и весь оставшийся вечер прокрутился в непосредственной близости от полненькой Машеньки Рябчиковой. Заглядывал в разрез ее бархатного лилового платья и умолял: «Машенька, позволь тебя в родинку поцеловать. По-дружески. Как брат или сестра».

Польщенная Рябчикова сжимала губки.

– Вы, товарищ учитель, все шутите. Не целуют братья сестер в родинки. Вместо водки пили бы лучше Цинандали.

Цванг отвечал вяло.

– Я, Машенька, патриот. Невольник чести! Водка это не напиток, это наша Родина. Первый концерт Маяковского. Апофеоз. Евразийство и панславизм. Пан или пропал. Хотя я и еврей. Но у меня русская душа! Для сердца вольного и пламенных страстей... А Цинандали – кот нассал в сандали. Кавказская синиль. Позволь, милая, родинку поцеловать. Как дядя тебя прошу. Как папа Карло. Как бедный Вертер. Не хочешь? Но иглы тайные сурово язвили славное чело!

Олег ничего не пил и не ел. Он дрожал, тревожился, ежился, хотя в ресторане было душно и жарко. Не обращал внимания на гостей, не слушал тосты, потерял из виду жену, ушедшую к пианино, где неугомонная Толстикова имитировала Эдит Пиаф.

Слышал только стрекот кинопроектора и усиленное каким-то дьявольским усилителем шарканье ногами по паркету. Ему хотелось немного почирикать, но он боялся испугать гостей. Его мучила новая навязчивая идея. Он решил почему-то, что попал в дискретный мир кино, в фильм. И фильм этот, потерял темп, провис.

Свадьба на целлулоиде.

Едят, пьют, но все почему-то катится вниз.

Как шарики.

В овраг.

А рядом со свинарником, помешанный старик с топором ходит.

Тощий конь и мертвый ворон.

Расшаркались все. Паркет менять придется. Шаркайте, шаркайте!

Черви и пики.

А старик в печке гербарий сжѐг. И сушеные грибки не пощадил.

Кадык почесывает волосатый.

К Олегу подошел его бывший одноклассник, дипломат Илья Покровский.

– Ты чего приуныл? На Рудика не сердись, он от чистого сердца. Сейчас многих достало. Говорят, его в армию хотели насильно загнать после педа. Офицером. Представляешь, Рудика в форме? Смирно! Фуражки снять! Яму рыть отсюда и до ужина. Говорят, его мать пианино продала, чтобы откупиться. Помнишь, белое, Петроф.

– Помню. Рудик, душа-человек. Пятьдесят рублей оторвал от сторублевой зарплаты.

– Тебя предсвадебный стресс доканал. Бледный ты. Не жрешь ничего. Хоть бы фрикасе попробовал. Во рту тает. Когда еще такую вкуснятину добудешь? И не торчи тут до конца. Через часок бери Юльку и айда домой. В постельку. Хочешь я тебе такси поймаю?

– Отец заказал микроавтобус к десяти. Загрузим подарки и рванем. Юлька ни за что раньше со свадьбы не уедет. Слышишь, как заливается? Научили на филфаке, спасибо. Крутит меня, Илюша, как будто грипп подступает. Башка трещит. Мысли поганые одолевают.

– Понимаю. Я вчера в мавзолее был. На работе заставили – ты, говорят, по-французски можешь, вот алжирцев сам и поведешь. Приехали, бля, опытом обмениваться, друзья Советского Союза. Чиновники и банкиры. Холеные все. На кой им черт Ленин? Да еще и мертвый. Ксиву мне дали – делегация! Поехали. Федоров, конечно, рафик зажилил, на метро двинули. Три остановки. К одному алжирцу пьяный пристал. Ваше, говорит, черножопое сиятельство, разрешите, спросить, Вы зачем к нам приехали, мух ловить? Ты зачем с пальмы слез, негр? Алжирец морщится, просит меня, переведи, мол, что человек, говорит. Я что-то наврал... А к другим мальчишки прилипли – подавай им жвачку и значки! В мавзолее нас пустили без очереди. Минут десять всего ждали. К саркофагу подошли. Алжирцы посмотрели, кивнули, вроде бы честь отдали, и на выход. А я задержался на минуточку, хотя какие-то гебилы шептали назойливо – проходите, не задерживайтесь. Приворотило. Лежит, понимаешь, этот мертвый татарин под стеклом. Как панночка. Вот-вот глаза откроет. Не поверишь – молодой какой-то. Живее всех живых. Крови напился, бля...

Часам к восьми свадьба была в самом разгаре. В одном углу все еще неистовствовала неуженная Толстикова. В другом углу зала танцевали. Донна Саммер, Блонди, Анна Ленокс...

Плотный юлечкин дядя, завотделом закрытого института, занимающийся взрывчатыми веществами, оба локтя положил на праздничный стол, а голову держал в опасной близости от тарелки с яйцами с красной икрой. Голову размягшего дяди поддерживала рука его жены, работающей во взрывоопасном институте бухгалтершей. Напротив них сидел тоже крепко выпивший дядя Олега, Виталий Александрович, профессор химик, специалист по полисульфидным жидким каучукам.

Взрывчатый дядя говорил дяде полисульфидному.

– Ты Витька и я тоже Витька. У тебя жена Галка, а у меня Ленка.

Полисульфидные каучуки! Ты бы сказал прямо – пробки! Для бутылок, банок и еще кое для чего!

Профессор отвечал.

– Ты, динамит, поосторожнее! Без пробок вся водочка вытечет, что тогда делать

будем?

– Пусть, миленькая, течет. В рюмочки. Давай, за молодых! По-стариковски!

– Ты меня не состаривай. Мне только пятьдесят второй пошел, еще как могу взорваться! Три раза в день. А-ах, хороша ханка, душу греет, организм очищает!

– Ты прав, каучук. Ты мне вот что скажи.. Куда Олежку распределять будем? К тебе, на кафедру, или ко мне, в ящик. У меня зарплата пожирнее, но придется погоны надеть.

– Не надо ему в казарму, не видишь что ли, московский парнишка, мягкий. Его место в академическом институте. Пусть поработает. Пообщается с умными людьми. Оботрется. Не созрел еще для жизни, а вишь, женился, лопух!

– Тебе чего, моя племяшка не нравится?

Тут дядя-динамит попытался врезать профессору-каучуку по скуле. За что получил довольно увесистую оплеуху от собственной супруги. Неудачно качнулся и влез таки широкой мордой в тарелку с яйцами. Был препровожден в ресторанный туалет. Долго там проповедовал, стоя перед писсуаром. Вернулся в зал с раскрытой ширинкой.

Перед самым концом свадьбы вспыхнули было еще два незначительных конфликта.

Бывший Юлечкин одноклассник Колпаков вспомнил, что другой одноклассник, Хлебный зачитал несколько лет назад взятую на недельку Лолиту.

– Ты что, совсем дурак? – орал Хлебный. – Я тебе эту похабщину тогда и вернул, на фиг она мне нужна?

– Нет, зачитал, – уверял Колпаков. – Ты Лолиту зажилил и Ритку, когда меня в комнате не было, лапал!

– Дурак ты, твою жирную корову все лапали, кроме меня. Жопа как у слона, а ножки, как у моей бульдожки.

Тут Колпаков и Хлебный стукнулись случайно головами и оба растянулись на полу. Расхохотались и помирились. Колпаков обнимал Хлебного и увещевал.

– Хлебушко, не сердись, не отдал и ладно. Некогда мне литературу читать. Дело надо делать. А Ритка мне последний раз три года назад звонила. Когда на выезд

подала. Шут с ней. Укатила... Что же, Хлеб, все уезжают. А мы с тобой тут и порем.

– Не реви, Колпак... Уезжают и ладно. Локти будут на Западе кусать. А мы и тут проживем, в Совдепе. Скоро Леня дуба даст, может, что и изменится, – утешал друга Хлебный.

Второй конфликт завязался между представительницами прекрасного пола. Поэтесса Минаева приревновала своего увальня Славикова к давнишней конкурентке, пополневшей и раздавшейся с школьных времен, но все еще привлекательной, Лизе Ситроен, переводчице с польского и чешского. Мужу Минаева прошипела, страшно сверкая глазами: «С тобой я дома поговорю!»

А обидчице пообещала: «А тебя, гадина, в сортире утоплю! Дылда, прелое мясо!»

И кинулась на Лизу, выставив вперед кроваво-красные когти. Та предпочла ретироваться. Минаеву отвлекли, рассмешили, она успокоилась. Но потом поймала таки мадам Ситроен в туалете. На беду, растащить соперниц было некому. После боя Минаева долго расчесывала растрепанные темные волосы, изрядно потерпевшие в схватке, а дебелая красавица Лиза припудривала носик, за который ее умудрилась укусить удалая поэтесса.

Олег и Юля приехали домой около одиннадцати. Разгрузили подарки, отволокли их в квартиру. Разбирать не стали, бросили в прихожей. Полумертвая от усталости Юля сбросила платье, освободилась от фаты, приняла душ, поцеловала мужа в щеку, легла в постель и заснула.

Олег долго сидел на кухне. Потом встал, подошел к окну, отдернул повешенную два дня назад занавеску и тяжело посмотрел вверх домов на темно-фиолетовое небо.

Вот небо. Для меня оно вроде фиолетовое, а для собаки серое.

Для меня верх, а для лунатика низ.

Или цвет, например, выдумка, утопия, также как и звук и вся остальная мура.

Цвет не существует без человеческого глаза и мозгов. А звук – без уха.

Бык не видит красного.

Абсолют?

Сами придумали.

Главная скрипка не страдивари, а человеческое тело.

Добро и зло – самообман. Временное соглашение. Удобства. Программа.

А космос плюет и на добро и на зло.

А мы все мечтаем...

Не расплескаться бы, не засохнуть.

Дома, вот, твердые, а мы из воды. Течем как реки.

Любим формы, потому что сами бесформенные.

Балдеем от металлов.

А еще больше любим слова. Просторы метафизические. Семантические поля.

Тысячи цветов. Подсолнечник-прогресс, розочка-цивилизация.

Ах ты, Вася-василек!

Для нас хорошо, а для других – погибель.

Крокодилу наши сапоги не по ноге.

А эстетика и этика вазелином пахнут.

Никогда других не пойдем. С их колокольни все иначе.

Гадал вот, мечтал, а Юлька взяла и заснула.

То, что хорошо для нее, плохо для меня. И наоборот.

Как это прикажете понимать?

Олег отошел от окна, сел в коридоре на табуретку, начал лениво перебирать подарки.

Кинопроектор защелкал и остановился.

Порвалась лента.

По экрану расплзлось зловещее лиловое пятно.

Олег взял в руки небольшой декоративный топорик Новгородский сувенир, с изображением монумента Тысячелетие России и золотой узорчатой гравировкой по краям лезвия. Подарок дяди-динамита. Глупее и бессмысленнее, кажется, никто ничего не подарил. Если бы не четыре зелененькие пятидесятирублевки, прикрепленные клейкой лентой к топоричу, можно было бы даже обидеться.

Олег отодрал деньги, положил их на обувной шкафчик.

Или подарок не так уж и глуп?

И фильм получит, наконец, драматическое завершение?

Может быть, излишне кровавое, но это дело вкуса.

Олег изобразил перед зеркалом каманча меланхолического – подпер топориком падающую голову. Потом выпучил глаза, топорик схватил зубами, а руками растянул уши.

Превратился в апача придурковатого.

Затем изобразил последнего могиканина. Опечалился.

Потом сделался патриотом великой России – возвысил прыщавое чело, напряг мускулы, нацелил топорик на упрямые лбы подползающих со всех сторон врагов.

Глубоко вздохнул и преобразился в Чингачгука.

Раскрыл рот, спустил трусы на колени, зажал топор бедрами и выставил лезвием вперед, как вставший член.

Гуськом вошел в спальню и застыл рядом с кроватью.

Юлечка зажгла лампу, посмотрела на мужа и завизжала...